

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-632-642

Научная статья

Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма

А.Э. Яшлавский

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

Research article

Myths and Reality of “Lone Wolf” Terrorism in the Context of Islamist Extremism

A.E. Yashlavskii

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Одной из наиболее опасных тенденций в современном терроризме является рост количества террористических актов, совершаемых одиночными акторами, не связанными напрямую с существующими террористическими организациями. В случае террористических проявлений, мотивированных салафитско-джихадистскими идеями, эту тенденцию можно рассматривать в контексте трансформации террористических группировок в организации с «плоской иерархией» и использования тактики «автономного джихада».

В статье анализируются особенности терроризма «одиночек», действующих под влиянием воинствующей исламистской идеологии. Хотя по сравнению с крупными террористическими группировками потенциал одиночных экстремистов выглядит не столь впечатляющим, террористы-одиночки не менее опасны, что обусловлено, прежде всего, особой трудностью предотвращения терактов, осуществляемых ими. В то же время террористические группировки, с одной стороны, используют действия одиночных акторов в своих пропагандистских целях, а с другой — пытаются воодушевить потенциальных единомышленников на действия в одиночку. Таким образом, действия террористов-одиночек оказываются вписанными в более широкий контекст экстремистского движения («глобального джихада»).

В статье делается вывод, что хотя борьба с терроризмом «одиночек» крайне затруднена, противодействие этой угрозе не только необходимо, но и возможно. В то же время эта борьба требует максимальной гибкости и ответственности.

Ключевые слова: террористы-одиночки, терроризм, джихадизм, автономный джихад, ИГИЛ («Исламское государство»), ИГ — организация запрещена в РФ), «Аль-Каида» (организация запрещена в РФ)

Для цитирования: Яшлавский А.Э. Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 632—642. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-632-642

Abstract. One of the most dangerous trends in present-day terrorism is the growth of terrorist acts perpetrated by lone actors, not directly connected with existing terrorist organizations. In the case of terrorist manifestations motivated by Salafi-jihadist ideas, this trend can be viewed in the context of the transformation of terrorist groups in organizations with a “flat hierarchy” and the use of tactics of “autonomous jihad”.

© Яшлавский А.Э., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The article analyzes the peculiarities of the terrorism of “lone actors”, acting under the influence of militant Islamist ideology.

Although the potential of lone actors does not look so impressive compared to large terrorist groups, “lone wolves” terrorists are not becoming less dangerous.

The danger of the phenomenon is due to the particular difficulty of preventing terrorist acts carried out by lone terrorists. At the same time, existing terrorist groups (e.g. ISIS), on the one hand, use the actions of lone terrorists for their propaganda purposes, and, on the other, try to inspire potential like-minded people to act alone. Thus, the actions of lone terrorists are included in the wider context of the extremist movement (“global jihad”).

The article concludes that countering this threat is not only necessary, but possible. But this struggle requires both flexibility and responsibility.

Key words: lone terrorists, lone wolf terrorism, lone actor terrorism, terrorism, jihadism, autonomous jihad, leaderless jihad, ISIL (ISIS, Islamic State, IS — organization is prohibited in the Russian Federation), Al-Qaeda (organization is prohibited in the Russian Federation)

For citation: Yashlavskii, A.E. (2019). Myths and Reality of “Lone Wolf” Terrorism in the Context of Islamist Extremism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 632—642. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-632-642

Введение

Терроризм, остающийся одной из самых главных угроз, с которыми приходится сталкиваться современному миру, демонстрирует способность развиваться, приспосабливаться к новым условиям и противостоять вырабатываемым контртеррористическим мерам. Особую остроту эта проблема приобретает в свете военно-политического разгрома крупных террористических группировок, сумевших в середине 2010-х гг. установить контроль над крупными территориями в ряде стран Ближнего Востока (прежде всего в Сирии и Ираке), что снижает финансовые, организационные и логистические возможности экстремистских сетей для организации и проведения терактов. В этом контексте одной из тенденций начала XXI в. становится возрастающее число атак, осуществленных «террористами-одиночками» или маленькими автономными группами, не связанными организационно и напрямую с террористическими группировками.

Авторы доклада *Global Terrorism Index 2017* указывают, что за период с 2008 по июнь 2017 г. наблюдается рост количества терактов, осуществленных одиночками. Если в 2008 г. в странах, входящих в ОЭСР, был зафиксирован один такой теракт, то за первую половину 2017 г. — 58 [*Global Terrorism Index 2017*: 69]. Устроенная в Норвегии террористом А. Брейвиком в 2011 г. серия кровопролитных терактов «породила глубокое осмысление опасности, представляемой „волками-одиночками“, и способности существующих контртеррористических мер противостоять такому типу нападений» [Spaaij 2012: 1].

В англоязычном пространстве наряду с понятиями *lone terrorism*, *lone actor terrorist* используется также форма *lone wolf terrorism* (терроризм

волков-одиночек). Использование этого термина (как потенциально прославляющего террористов или улучшающего их имидж) нередко оспаривается представителями академического сообщества и СМИ [Gill 2015: 11]. Заметим, что вышеперечисленными терминами не исчерпывается круг названий, который используется различными авторами для описания феномена: *freelancers* («внештатники»), *lone operator terrorists* («одиночно действующие террористы»), *solo terrorists* («соло-террористы»), *loners* («одиночки»), *stray dogs* («бродячие псы»), *leaderless terrorism* («терроризм без руководства»), *individual terrorism* («индивидуальный терроризм»), *self-activated terrorism* («самоактивируемый терроризм») и т.д. Такое многообразие свидетельствует, прежде всего, о сложности и неоднозначности этого феномена, который с трудом поддается четкому и бесспорному определению (впрочем, то же самое можно сказать и о терроризме в целом).

Так, например, голландские исследователи Э. Баккер и Я. де Рой ван Зюйдевийн определяют «терроризм одиночных акторов» как «угрозу или использование насилия единственным исполнителем (или маленькой ячейкой), не действующим исключительно по персонально-материальным причинам с целью воздействовать на широкую аудиторию, а также действующим без всякой прямой поддержки при планировании, подготовке и осуществлении нападения, и чье решение действовать не направляется какой-либо группировкой или другими индивидуумами (хотя, возможно, и вдохновлены другими)» [Brynielsson et al. 2012: 42]. В свою очередь, исследователи Дж. Гленн и Т. Дж. Гордон определяют террористов-одиночек как «отдельных индивидов, действующих преимущественно в одиночку, убивающих

или ранивших людей или причиняющих значительный ущерб важной инфраструктуре в отдельном инциденте или в течение продолжительного времени, или планирующих совершить это — в целях политических, религиозных или идеологических. Террористическими „одинокими волками“ не руководят внешние иерархии. Мишенями их могут быть конкретные отдельные группы или недифференцированные массы людей» [Glenn, Gordon 2014: 207]. В целом схожее определение дает канадский исследователь Б. Беннет: «Терроризм „одиночных волков“ включает индивидуальных экстремистов, которые обычно действуют в одиночку или на периферии существующих экстремистских группировок, причиняя серьезный ущерб или вызывая значительный урон. Как правило, „одиночные волки“ не имеют прямых связей с террористическими группировками. Их деятельность может вдохновлять других на действия и часто выражается в подражательных преступлениях» [Bennet 2007: 46].

На наш взгляд, феномен «терроризма одинок» можно определить как использование отдельным человеком (или микрогруппой), не связанным напрямую с террористическими группировками, преднамеренного, политически и идеологически мотивированного насилия, как правило, в отсутствии состояния войны (особенно конвенциональных военных действий).

Целью статьи является не только вычленение особенностей феномена «терроризма одинок», вдохновленных салафитско-джихадистской идеологией, но и попытка «нащупать ахиллесову пяту» этого опасного явления и продемонстрировать, что, несмотря на одиночный характер явления, оно может быть вписано в более широкий контекст «глобального джихада», под знаменами которого выступают религиозно мотивированные экстремисты.

Новый старый феномен

Проблема «терроризма одинок» весьма широка, как широка и ее география. Следует заметить, что феномен террориста-одиночки не нов. Правда, в прошлом мишенью действующих в одиночку террористов становились, как правило, конкретные лица (главы государств и правительств, политики и т.д.), тогда как в современных условиях жертвами террористов-одинок чаще всего становятся самые обычные люди (как гражданские лица, так и представители силовых структур).

Еще в конце 1990-х гг. эксперт по терроризму Б. Хоффман фактически писал о террористах-одиночках (не упоминая их напрямую) как о новой тенденции: «Ранее терроризм был не просто вопросом воли и побуждения к действию, но обладанием способностью совершить теракт — соответствующей подготовкой, доступом к вооружению и тактическими знаниями. Все это не было широко доступно, и такие знания приобретались посредством обучения в лагерях, созданных другими террористическими организациями, либо в содействии с государствами, спонсирующими террористов. Однако сегодня информацию о средствах и методиках терроризма можно с легкостью получить в книжном магазине, через почтовый заказ от издателя, на компакт-диске или даже во Всемирной сети... Таким образом, терроризм стал доступным средством действия для любого, кто испытывает недовольство, имеет какую-либо программу, цель или все вышеперечисленное в произвольной комбинации» [Хоффман 2003: 250—251].

Можно констатировать, что обозначенная два десятилетия назад тенденция действительно оформилась в значительную угрозу, причем благодаря развитию информационных технологий террористы-одиночки получили в лице Интернета источники «вдохновения» как в идеологическом, так и в «техническом» смысле. Как замечает Э.Г. Соловьев, сопутствующая глобализации «информационная революция и революционные технологические изменения позволили негосударственным субъектам играть существенно более заметную роль в международной политике. При этом возникновение новых субъектов действия... нередко выглядит как подъем и активизация маргиналов в глобальном масштабе, *the rise of “global idiots”*» [Соловьев 2006: 10]. Во многом именно небывалое развитие и повсеместная доступность информационных технологий подстегнули и разрастание феномена одиночных акторов в сфере терроризма.

Приметой современности стало использование террористами джихадистского толка зачастую «подручных средств», получить которые для одинок не составляет больших — а то и вовсе никаких — усилий. Это, например, транспортные средства (личные, взятые напрокат или угнанные), холодное оружие (вплоть до кухонных ножей) — или их сочетание. Так, террорист-одиночка Х. Масуд совершил теракт близ Вестминстер-

ского дворца в Лондоне 22 марта 2017 г., преднамеренно направив свой автомобиль на пешеходов, а потом нанеся смертельные ножевые удары полицейскому. И эта тенденция в последние годы становится, похоже, все более устойчивой. Купленные в магазине ножи стали орудием устроенного М. Арпоном 3 октября 2019 г. в полицейской префектуре Парижа нападения, жертвами которого стали 4 сотрудника полиции (по данным прокуратуры, нападавшего можно охарактеризовать как радикализировавшегося исламиста).

По данным исследований проекта *Countering Lone-Actor Terrorism (CLAT)*, наиболее часто одиночные исполнители терактов предпочитают огнестрельное оружие (31%), взрывчатку (17%) и холодное оружие (12%). При этом 92% террористических заговоров с использованием холодного оружия и 100% заговоров с применением огнестрельного оружия привели к реальным нападениям, в то время как в случае с заговорами с применением взрывчатых веществ лишь 45% оказались успешными. «Заговоры, использующие только огнестрельное или холодное оружие, требуют меньшего планирования и представляют мало возможностей для правоохранительных органов предотвратить их» [Ellis et al. 2016: 34].

Эволюцию феномена «терроризма одиночек» можно рассматривать двояко — как в историческом, когда терроризм помещался его апологетами в контекст «тираноборства» (убийство А. Линкольна Дж.У. Бутом (1865 г.), президента Дж.Ф. Кеннеди — Л.Х. Освальдом (1963 г.), сенатора Р. Кеннеди — С. Серханом (1968 г.), премьер-министра Израиля И. Рабина — И. Амиром (1995 г.)), так и в современном контексте продолжающегося размывания традиционных иерархических структур террористических организаций. Эту тенденцию ярче всего иллюстрируют такие радикально-исламистские группировки, как ИГИЛ¹ и «Аль-Каида», «которые принимают форму безлидерного джихада, не сулящую ничего хорошего в будущем. Обе группировки были некогда высокоцентрализованными иерархическими структурами, но сейчас переходят к стратегии, которая трансформирует их в текущие оперативные образования. И это играет им на руку» [Schori Liang 2017: 88].

¹ ИГИЛ, ИГ, ДАИШ («Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство») — террористическая организация, запрещенная в РФ и других странах.

В частности, можно говорить о том, что такие группировки, как ИГИЛ, все более трансформируются в террористические организации с «плоской иерархией» (что подразумевает минимизацию уровней управления, большую самостоятельность их ячеек и «филиалов» и возрастающую роль «симпатизантов», которые могут быть не связаны напрямую и организационно с конкретными группировками). Более того, наблюдается тенденция к смене террористической тактики в пользу «автономного джихада», при котором террористические группы или отдельные исполнители действуют независимо от центрального командования или координаторов экстремистского подполья, а в качестве непосредственных исполнителей используются не имеющие оперативной связи с кураторами и лидерами террористических организаций одиночки, вербуемые через Интернет.

Зачастую непосредственная связь террориста-одиночки с какими-либо экстремистскими группировками может отсутствовать. Однако она может наличествовать в виде идеологической «накачки» (например, через распространяемую в Интернете пропаганду). Не исключено, что тот или иной террорист-одиночка может заявить о своей приверженности какой-либо террористической группировке. Равно не исключается и другой вариант: когда террористическая группировка может приписать себе действия одиночки, что создает иллюзию «могущества и всеохватности» группировки.

Исследующий проблему «терроризма одиночек» Дж. Саймон выделяет пять основных типов террористов-одиночек в зависимости от их мотивации:

1) *секулярные «волки-одиночки»* (насильственные атаки в политических, этнонационалистических или сепаратистских целях);

2) *религиозные «волки-одиночки»* (насильственные действия осуществляются во имя той или иной религии; примером может служить американский майор Нидал Малик Хасан, расстрелявший сослуживцев на военной базе в Техасе в 2009 г.);

3) *«волк-одиночка» отдельной проблемы, single-issue lone wolf* (насилие осуществляется во имя какой-либо особой проблемы: аборт, права животных, окружающая среда и т.д.);

4) *криминальные «волки-одиночки»* (мотивацией для насильственных акций служит в основном стремление к получению финансовой выгоды);

5) *идиосинкразический «волк-одиночка»* (своеобразный, сугубо индивидуальный, экстравагантный, иногда психически нездоровый) — особенностью этой категории, согласно Дж. Саймону, является то, что хотя идиосинкразический террорист-одиночка действует во имя некоей цели, главным образом двигателем насилия служат его личностные и психологические проблемы (например, рассылавший в США бомбы по почте Т. Казински, известный как «Унабомбер») [Simon 2013: 6—7].

Такая типология не может не вызвать возражений, главные из которых следует отнести к категории «криминального» террориста-одиночки, поскольку большинство определений терроризма строятся на том, что террористическое насилие предполагает наличие политической и идеологической составляющих. Впрочем, Дж. Саймон, похоже, сам осознает шаткость своей классификации, указывая на то, что большинство аналитиков не расценивают «криминальных» одиночек как террористов.

Количество в «качество»

В рамках данной статьи основным предметом рассмотрения служат террористы-одиночки, действующие под влиянием радикально-исламистских идей, и не только потому, что именно салафитско-джихадистский экстремизм является «законодателем террористической моды» начала XXI в. Сама по себе концепция «одиночки» конфликтует с идеями общинности, традиционно сильными в салафитско-джихадистской среде, однако поддержка деятельности одиночных акторов со стороны экстремистских сетей выглядит «прагматической и зависящей от обстоятельств», в частности, в связи с тем, что террористы-одиночки лучше защищены от наблюдения со стороны спецслужб, чем члены подпольных ячеек (и, соответственно, труднее поддаются разоблачению, а замышленные одиночками теракты — предотвращению). Специфику «одиночек», действующих под флагом салафитско-джихадистских идей, составляет то, что их действия как объективно, так и субъективно включаются в контекст более широкого экстремистского движения.

Можно согласиться с мнением исследователей, утверждающих, что «исламистский элемент феномена современного террориста-одиночки — то, что беспокоит правительства и спецслужбы. Десятилетняя война против террора снизила главную угрозу со стороны существовавших исламистских террористических группировок. „Центральная“ „Аль-Каида“, например, была вытеснена на периферию исламского мира, а ее лидеры оказались вынуждены жить в подполье в страхе перед тем, что следующая крылатая ракета упадет им на голову... От „Аль-Каиды“ остался третий элемент треножника „командование — контроль — коммуникация“, а именно коммуникация» [Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism 2015: 3]. Следует оговориться, что в случае радикализации потенциальных террористов-одиночек идеологи экстремистов не ставят целью наличие двусторонней коммуникации: обратная связь между идеологами и их аудиторией, как правило, и не нужна (хотя, само собой, есть и примеры иной ситуации).

Именно наличие коммуникации (прежде всего через Интернет) можно рассматривать в качестве одного из главных условий для взращивания террористическими сетями своих активных и пассивных сторонников, в том числе и вдохновленных экстремистскими идеями террористов-одиночек. В случае «Аль-Каиды» большую роль играла работа одного из ее идеологов, А. аль-Авлаки, чьи пропагандистские материалы оказали огромное воздействие на радикализацию целого ряда террористов-одиночек. Что касается конкурирующей с «Аль-Каидой» другой террористической группировки — ИГИЛ, то трудно не согласиться с мнением, что ею создан «новый вид терроризма, использующего инструменты маркетинга и цифровых коммуникаций не только для „социализации террора“ через общественное мнение (как это делали предшествовавшие террористические группировки), но и через делание террора популярным, востребованным и поддающимся воспроизведению»². И к проблеме «терроризма

² Lesaca J. On Social Media, ISIS Uses Modern Cultural Images to Spread Anti-modern Values // Brookings Institute. September 24, 2015. URL: <https://www.brookings.edu/blog/techtank/2015/09/24/on-social-media-isis-uses-modern-cultural-images-to-spread-anti-modern-values/> (accessed: 28.01.2019).

одинок» вышеприведенная цитата имеет, на наш взгляд, самое прямое отношение.

Исследовательница из Гарвардского университета Ф. Пандит не без оснований утверждает, что «экстремистские группировки сегодня искусно ориентируются в сложном цифровом пространстве, цементируя альянсы и распространяя идеологии „Мы против них“. Их цель: вербовать для своей идеологии легионы молодых людей. Принимает ли террористическая угроза форму фальшивых халифатов или одиночек, разрушающих наши спортивные мероприятия, праздники, концерты или железнодорожные вокзалы, они все используют молодежь. Как экстремистам известно, эта совокупность потенциальных рекрутов быстро растет» [Global Terrorism Index 2018: 69].

Террористические группировки могут обладать достаточно большим потенциалом для осуществления крупномасштабных терактов, что делает их особо опасными. По сравнению с ними возможности одиночных экстремистов выглядят не столь впечатляющими. Однако делает ли это обстоятельство террористов-одиночек менее опасными? Безусловно, нет.

По данным проекта CLAT, в период с 1 января 2000 г. по 31 декабря 2014 г. в странах ЕС (а также Норвегии и Швейцарии) было идентифицировано 98 террористических заговоров с участием одиночных акторов. В них были вовлечены 79 отдельных человек, 12 «двоек» и 7 «троек». Среди этих 98 заговоров успешными атаками оказались 72. Из них в 60 случаях действовали одиночки, в 6 — «двойки» и еще в 6 — «тройки» [Ellis et al. 2016: 34; De Roy van Zuijdevijl, Bakker 2016]. Хотя статистические данные говорят, что осуществленные одиночками нападения не выглядят, на первый взгляд, эффективными, однако жизнь показывает, что и действующие в одиночку террористы могут причинить огромный ущерб: достаточно вспомнить двойной теракт А. Брейвика (77 погибших), теракт в Ницце (87 погибших) или расстрел в мечетях в новозеландском Крастчёрче в 2019 г. (51 погибший).

Более того, есть основания опасаться, что количество террористических атак, устроенных экстремистами-одиночками, может перерасти в «качество». Опасность заключается не только в причинении смерти и увечий жертвам терактов. Можно с большой уверенностью говорить, что

«сверхзадачей» идеологов салафитско-джихадистского экстремизма, де-факто эксплуатирующих экстремистов-одиночек в своих целях, состоит в подогревании атмосферы страха и разжигании взаимного недоверия между людьми. Можно согласиться с мыслью, что целью экстремистов в Европе стало провоцирование чрезмерной реакции со стороны властей и общества, что послужило бы отчуждению и радикализации мусульманских сообществ: «ИГИЛ разработало кампанию по нагнетанию насилия в европейских обществах с целью дать резкий старт кампании атак низкой интенсивности против немусульманского населения в Европе, что должно поляризовать европейское общество» [Cafarella, Zhou 2017: 5].

В случае террористов-одиночек террористические действия мыслятся их вдохновителями скорее как «асимметричная война», как один из способов ведения «войны» против ненавистного им общества и ненавистного мира, нежели как средство принуждения и/или средство революционного преобразования мира. В ряде случаев такие действия преподносятся как акт возмездия (в частности, устроитель теракта на Вестминстерском мосту в Лондоне 22 марта 2017 г. Х. Масуд объяснил свою атаку действиями западных стран на Ближнем Востоке). Исламистские террористические сети, провозглашая одной из своих целей «священную войну» против Запада, активно продвигают идеи ведения этой войны, в том числе и силами террористов-одиночек (не отказываясь при этом, естественно, от крупномасштабных, хорошо спланированных, скоординированных операций).

«Аль-Каида» (в данном случае — ее ответвление «Аль-Каида на Аравийском полуострове»), начиная с 2010 г., делала ставку на возвращение одиночек — прежде всего, используя англоязычное онлайн-издание *Inspire*. В частности, в этом издании речь шла о тактике и технике мелкомасштабных, устроенных «кустарным» способом атак на Западе. «Этот журнал имел революционное значение для салафитско-джихадистского сообщества, поскольку он первым стал комбинировать религиозное оправдание джихада на обиходном английском языке с практическим руководством, — отмечают авторы доклада, подготовленного в 2016 г. Институтом военных

исследований (США). — Он предоставлял открытую линию коммуникаций со стороны руководства „Аль-Каиды“, в частности, покойного Анвара аль-Авлаки, не подвергая риску безопасность ни лидеров группировки, ни читателей. Целью „Аль-Каиды“ было расширение ее кампании насилия против Запада с помощью мелких, одноразовых атак» [Kagan, Kagan, Cafarella, Gambhir, Zimmerman 2016: 24].

По словам эксперта Женевского центра политики безопасности К. Шори-Лян, онлайн-журнал *Inspire* породил в качестве формы безлидерного джихада так называемый «джихад в открытом доступе» и стратегию, «вдохновляющую одиночных акторов на проведение джихада». Ликвидация А. аль-Авлаки в 2011 г., продолжает исследовательница, произвела незначительный эффект: «Его идеи, подобно открыткам от мертвого человека, продолжают вдохновлять людей на джихад. Его проповеди вылились в 72 случая терроризма в США и вдохновили атаки „волков-одиночек“ в Соединенном Королевстве, Канаде и Франции» [Schori Liang 2017: 89]. Именно пропагандистская деятельность А. аль-Авлаки сильно повлияла на братьев Царнаевых, устроивших теракт на Бостонском марафоне (2013 г.). С рядом экстремистов, устроивших или пытавшихся устроить террористические акты, Анвар аль-Авлаки переписывался по электронной почте лично (в частности, с майором Н.М. Хасаном, устроившим бойню сослуживцев на базе Форт-Худ).

Что касается запрещенной в РФ организации ИГИЛ, то руководство этой террористической группировки также придает немалое значение действиям одиночек, используя их в пропагандистских целях. При этом приоритет отдается частоте атак, осуществленных во имя группировки. В частности, представитель ИГИЛ Абу Мухаммад аль-Аднани в сентябре 2014 г. призывал сторонников группировки осуществлять как можно больше терактов, не требующих экстенсивной подготовки ради эффективности. «ИГИЛ считает, что осуществленные ее сторонниками в индивидуальном порядке частые атаки в сочетании с существованием в материальной форме ее халифата создает уникальную „международную атмосферу террора“, превосходящую по своему эффекту широкомасштабные теракты „Аль-Каиды“ против Запада» [Kagan, Kagan, Cafarella, Gambhir, Zimmerman 2016: 25].

Достаточно показательным служит пример использования «Исламским государством» действий предположительно террориста-одиночки в своих пропагандистских целях в случае теракта в Ницце 14 июля 2016 г., когда погибли более 80 человек. Направивший в толпу людей тяжелый грузовик М. Лахуаэдж-Бухлель родился в Тунисе, но имел вид на жительство во Франции. Ранее был замечен в случаях домашнего насилия, был известен полиции в связи с уголовными правонарушениями (включая вооруженное насилие). Тем не менее, он не был включен властями в список потенциальных экстремистов. Есть данные, что он употреблял алкоголь, наркотики, по словам родственников, обычно не отличался набожностью, не молился и не соблюдал пост в месяц Рамадан. Однако за несколько месяцев до нападения М. Лахуаэдж-Бухлель начал посещать мечеть и незадолго до теракта отрастил бороду, утверждая, что это имеет «религиозное значение». Начиная с 1 июля он практически ежедневно искал в Интернете стихи из Корана и нашиды, в его компьютере обнаружены изображения, связанные с радикальным исламом. По данным следствия, он также выражал поддержку ИГИЛ. В свою очередь, связанный с ИГИЛ онлайн-ресурс *Amaq News Agency* назвал его «одним из солдат „Исламского государства“».

Несмотря на то, что по делу о теракте в Ницце были задержаны несколько выходцев из Туниса и Албании, на наш взгляд, нападение устроено как теракт «одиночки», а не было спланировано и организовано группировкой ИГИЛ. Аналогичным образом был осуществлен и теракт на рождественской ярмарке в Берлине 19 декабря 2016 г., когда 24-летний тунисец А. Амри направил грузовик на посетителей предпраздничного базара. В отличие от М. Лахуаэджа-Бухлеля, А. Амри находился в поле зрения служб безопасности и попал в список потенциально опасных исламистов. Известно, что он искал контакты с другими исламистами, более того, записал видео с присягой на верность лидеру ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади. Однако представляется сомнительным прямое участие ИГИЛ в организации теракта, что не помешало группировке взять на себя ответственность за него.

Как отмечает С. Теич, «одинокие волки мотивированы сочетанием личных обид и более широких целей. Почти у всех проанализирован-

ных преступников были огромные личные обиды: развод, проблемы опеки над детьми, потеря работы, психические заболевания, домогательства и многое другое. Во всех случаях преступники не были религиозно набожны всю свою жизнь — в большинстве случаев радикальный ислам использовался в качестве утешения после страданий от личных обид. Радикальный ислам стал привлекательным нарративом для этих людей: он снял вину с человека, вывел на поверхность их личные проблемы и обвинил западное общество» [Teich 2013: 22—23].

Некоторые сторонники ИГИЛ рассматривают тему террористов-одиночек в свете возможности слияния их в ячейки, которые со временем могут осуществлять повстанческие действия на Западе. Таким образом, «волки-одиночки расцениваются как первый шаг к организации, которая может по-настоящему принести войну в самое сердце Запада» [Kagan, Kagan, Safarella, Gambhir, Zimmerman 2016: 25]. С одной стороны, потенциально возникает ощутимая угроза со стороны таких террористических ячеек, объединяющих силы и ресурсы уже не одиночек, а групп террористов. С другой стороны, такое развитие событий само по себе «ставит крест» на одиночном характере террористов, превращая их в ячейку, что в каком-то смысле делает их более уязвимыми.

Одиночество в сети

В свете активных попыток салафитско-джихадистских сетей воодушевлять на совершение терактов как можно большее количество экстремистов-одиночек можно ли говорить о феномене «одиночек» в чистом виде, особенно если эти акторы заявляют о своей верности «Аль-Каиде» или ИГИЛ? Проблему можно сформулировать и более широко: действительно ли террористы-одиночки одиноки? И вообще, имеет ли смысл вычленять проблему террористов-одиночек в контексте салафитско-джихадистского терроризма, «играющего первую скрипку» в терроризме начала XXI в.?

Как верно заметил один из исследователей данного феномена, угроза терроризма «одиночек» предстает перед нами как одна из «самых сбивающих с толку, приводящих в замешательство и опаснейших форм насилия в наше время»: теоретически любой человек, вдохновленный экстре-

мистской идеологией, распространяемой через Интернет или благодаря личным контактам со сторонниками различных воинствующих идей, или даже просто решивший совершить теракт по личным или иным причинам, может стать террористом-одиночкой, при этом такой тип террористов находится «вне радаров» правоохранительных органов, из-за чего попытки предотвратить насильственные акты крайне сложны; опасность же связана с отсутствием ограничений уровня насилия у не связанного никакими сценариями одиночки (в отличие от террористических группировок, которые нередко ориентируются на то, какие последствия или реакцию вызовет тот или иной теракт) [Simon 2013: 1].

Как утверждают Р. Спаидж и М.С. Хамм, концепция террористов-одиночек, состоящая «в отсутствии сотрудничества с другими лицами или группами», не означает, что «одинокие волки» действительно одиноки в своем деле или действуют в социальном политическом вакууме [Spraak, Hamm 2015: 170]. Иными словами, терроризм «одинокого волка» должен быть помещен в более широкий контекст личной истории человека, социальных отношений, а также политической или религиозной борьбы. Некая степень внешнего социального влияния часто используется во время цикла террористических атак, особенно на уровне идеологического формирования и (онлайн и/или офлайн) общения с посторонними, включая взаимодействие с экстремистскими материалами или «террористическим пиаром».

Как справедливо замечает О.Н. Новикова, «об абсолютной независимости террориста-одиночки вообще не может идти речь. Самостоятельность при проведении теракта не означает, что террорист не испытывает вообще никакого внешнего влияния при принятии решения о его совершении. Это влияние может быть не прямое, а опосредованное, что особенно очевидно, когда речь идет о приверженности идеологии, которая может подталкивать индивида к насильственным действиям» [Новикова 2017b: 190—191]. Ставят под сомнение «одиночество» террористов-одиночек и другие авторы, утверждающие, что «волки-одиночки не сидят в темных подвалах, занимаясь саморадикализацией (если использовать ставший популярным в ЕС термин) перед компьютером», а представляют собой «значительную часть более

широкого сообщества акторов со схожими взглядами» [Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism 2015: 4].

Канадский исследователь Д. Хофманн полагает, что радикализация, планирование и рабочие этапы одиночных акторов связаны (или подвержены влиянию) с комплексом многочисленных социодинамик межличностных или малых групп [Hofmann 2018: 6]. Наблюдается тенденция, при которой «одиночки» делятся информацией о террористических заговорах с друзьями и коллегами по работе. В ряде случаев «одиночки» при планировании и приведении в исполнение своих террористических замыслов искали помощи у посторонних отдельных лиц; знакомые одиночных акторов играют важную роль в идеологических дискуссиях, при этом родственники в идеологических сетях играют гораздо меньшую роль. Действительно, нередко террористы-одиночки «оповещают» о своем намерении совершить насилие. Около половины всех преступников перед терактом вольно или невольно допускают «утечку» свидетельств, указывающих на их экстремистские взгляды, причем иногда это даже откровенные угрозы совершить теракт. При этом для преступников с религиозной мотивацией характерна «утечка» информации друзьям и членам семей [Новикова 2017а: 14]. Безусловно, такие «утечки» не являются гарантией того, что спецслужбы и правоохранительные органы обратят внимание на потенциального террориста и сумеют предотвратить теракт. Более того, даже при наличии подобных сигналов в условиях демократического общества нелегко предпринимать превентивные меры.

«Одна из главных проблем, связанных с выявлением возможных террористов-одиночек, состоит в том, что отсутствует устойчивый или типичный профиль „волка-одиночки“, — справедливо отмечают авторы исследования, подготовленного Шведским агентством оборонных исследований. — Более того, террористов-одиночек трудно поймать, используя традиционные методы разведки, поскольку они не являются группами, куда можно проникнуть или которые можно прослушивать. Однако есть много конкретных действий, предпринимаемых отдельным лицом (не обязательно нелегальных), которые могут расцениваться как слабые сигналы и ко-

торые, будучи комбинированными, могут обозначить интерес к актам терроризма. Распознавание и анализ цифровых следов, оставленных онлайн-активностью возможных террористов-одиночек — один из аспектов в трудной проблеме обнаружения террористов-одиночек прежде, чем они нанесут удар» [Brynielsson et al. 2012: 204]. Действительно, многие эксперты по антитеррористической деятельности сходятся во мнении, что на сегодняшний день главное средство по обнаружению и надежному сдерживанию насильственных действий террористов-одиночек — это эффективное отслеживание Интернета на предмет признаков радикализации или нарождающегося насилия [Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism 2015: 4].

Заключение

Приходится констатировать, что в деле противодействия растущей угрозе со стороны террористов (и террористов-одиночек в частности) общество оказывается перед серьезной дилеммой: с одной стороны, необходимо обеспечить безопасность для граждан и эффективно противостоять замыслам экстремистов, а с другой — сохранить свою демократическую идентичность, основанную на соблюдении прав человека и т.д. Так, мониторинг онлайн-деятельности потенциальных террористов может быть воспринят как опасность для правового государства и демократических ценностей, а борьба с реальной террористической угрозой и экстремизмом в Интернете может незаметно перерасти в «охоту на ведьм». Безусловно, действия властей и спецслужб в этой сфере должны быть максимально ответственными — иначе возникает серьезный риск, что ни в чем не повинные люди могут попасть под пресс контртеррористической борьбы, тогда как настоящие экстремисты останутся вне поля зрения до тех пор, пока не совершат свои преступные действия. Бесспорно, противостояние террористической угрозе со стороны одиночных акторов жизненно необходимо, хотя и затруднено в силу специфики описываемого феномена, не лишеного, впрочем, «ахиллесовой пяты».

Наличие связей одиночных акторов с «внешним миром» не делает феномен «терроризма одиночек» чем-то призрачным. Другое дело, что рассматривать его, действительно, необходимо

в более широком контексте террористической и экстремистской активности, тем более что вольно или невольно террористы-одиночки становятся инструментом в руках идеологов экстремистских (в частности салафитско-джихадистских) идей. Это обстоятельство выделяет религиозно мотивированных одиночных акторов

терроризма в особую категорию, нуждающуюся в самом пристальном и всестороннем изучении. Хотя борьба с терроризмом «одиночек» крайне затруднена, противодействие этой угрозе не только необходимо, но и возможно. В то же время эта борьба требует максимальной гибкости и ответственности.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2019

Принята к публикации / Accepted: 16.10.2019

Библиографический список

- Новикова О.Н. Армия из одного человека // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2017b. № 45 (61). С. 12—15.
- Новикова О.Н. Терроризм «одиноких волков» // *Актуальные проблемы Европы*. 2017a. № 4. С. 188—207.
- Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003.
- Bennet B.P. Understanding, Assessing, and Responding to Terrorism: Protecting Critical Infrastructure and Personnel. New York: Wiley-Interscience, 2007.
- Brynielsson J., Horndahl A., Johansson F., Kaati L., Martenson Ch., Svenson P. Analysis of Weak Signals for Detecting Lone Wolf Terrorists // Swedish Defence Research Agency (FOI). 2012. European Intelligence and Security Informatics Conference. URL: https://www.foi.se/download/18.7fd35d7f166c56ebe0bffc0/1542623690297/Analysis-of-weak-signals_FOI-S-4093-SE.pdf (accessed: 10.01.2019). DOI: 10.1109/EISIC.2012.20
- Cafarella J., Zhou J. ISIS's Expanding Campaign in Europe // Institute for the Study of War. September 18, 2017. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf> (accessed: 27.02.2018).
- De Roy van Zuijdewijn J., Bakker E. Analysing Personal Characteristics of Lone-Actor Terrorists: Research Findings and Recommendations // *Perspectives on Terrorism*. 2016. Vol. 10. Iss. 2. P. 42—49.
- Ellis C., Pantucci R., de Roy van Zuijdewijn J., Bakker E., Smith M., Gomis B. et al. Analysing the Processes of Lone-Actor Terrorism: Research Findings // *Perspectives on Terrorism*. 2016. Vol. 10. Iss. 2. P. 33—41.
- Gill P. Lone-Actors Terrorists: A Behavioral Analysis. London: Routledge, 2015.
- Glenn J.C., Gordon T.J. 2013—14 State of Future. Washington: The Millennium Project, 2014.
- Global Terrorism Index 2017. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November 2017. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 30.01.2019).
- Global Terrorism Index 2018. Measuring the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November 2018. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/12/Global-Terrorism-Index-2018-1.pdf> (accessed: 04.02.2019).
- Hofmann D. How “Alone” are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists // The Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society (TSAS). Working Paper Series. Winter 2018. No. 18-02. URL: <http://www.tsas.ca/wp-content/uploads/2018/02/TSAS-Working-Paper-Hofmann-Lone-Actors-Final.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Kagan F.W., Kagan K., Cafarella J., Gambhir H., Zimmerman K. Al Qaeda and ISIS: Existential Threats to the U.S. and Europe // Institute for the Study of War. January 2016. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/PLANEX%20Report%201%20--%20FINALFINALFINAL.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism* / Ed. by J. Kaplan, H. Loow, L. Malkki. London: Routledge, 2015.
- Schori Liang Ch. Leaderless Jihad in a Leaderless World: The Future of Terror // *Global Terrorism Index 2017. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November 2017. P. 88—91. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 30.01.2019).
- Simon J.D. Lone Wolf Terrorism: Understanding the Growing Threat. NY: Prometheus Books, 2013.
- Spaaij R. Understanding Lone Wolf: Global Patterns, Motivations and Prevention. Dordrecht: Springer Verlag, 2012.
- Spaaij R., Hamm M.S. Key Issues and Research Agendas in Lone-wolf Terrorism // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 167—178.
- Teich S. Trends and Developments in Lone Wolf Terrorism in the Western World: An Analysis of Terrorist Attacks and Attempted Attacks by Islamic Extremists. International Institute for Counter-Terrorism. October 2013. URL: <https://www.ict.org.il/Article/691/Trends%20and%20Developments%20in%20L#gsc.tab=0> (accessed: 20.01.2019).

References

- Bennet, B.P. (2007). *Understanding, Assessing, and Responding to Terrorism: Protecting Critical Infrastructure and Personnel*. New York: Wiley-Interscience.
- Brynielsson, J., Horndahl, A., Johansson, F., Kaati, L., Martenson, Ch. & Svenson, P. (2012). *Analysis of Weak Signals for Detecting Lone Wolf Terrorists*. Swedish Defence Research Agency (FOI). European Intelligence and Security Informatics Conference. URL: https://www.foi.se/download/18.7fd35d7f166c56ebe0bffc0/1542623690297/Analysis-of-weak-signals_FOI-S-4093-SE.pdf (accessed: 10.01.2019). DOI: 10.1109/EISIC.2012.20
- Cafarella, J. & Zhou, J. (2017). *ISIS's Expanding Campaign in Europe*. Institute for the Study of War. September 18. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf> (accessed: 27.02.2018).
- De Roy van Zuijdewijn, J. & Bakker, E. (2016). Analysing Personal Characteristics of Lone-Actor Terrorists: Research Findings and Recommendations. *Perspectives on Terrorism*, 10 (2), 42—49.
- Ellis, C., Pantucci, R., de Roy van Zuijdewijn, J., Bakker, E., Smith, M., Gomis, B. et al. (2016). Analysing the Processes of Lone-Actor Terrorism: Research Findings. *Perspectives on Terrorism*, 10 (2), 33—41.
- Gill, P. (2015). *Lone-Actors Terrorists: A Behavioral Analysis*. London: Routledge.
- Glenn, J.C. & Gordon, T.J. (2014). *2013—14 State of Future*. Washington: The Millennium Project.
- Global Terrorism Index 2017. (2017). *Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 30.01.2019).
- Global Terrorism Index 2018. (2018). *Measuring the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/12/Global-Terrorism-Index-2018-1.pdf> (accessed: 04.02.2019).
- Hofmann, D. (2018). *How “Alone” are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists*. The Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society (TSAS). Working Paper Series. Winter, 18-02. URL: <http://www.tsas.ca/wp-content/uploads/2018/02/TSAS-Working-Paper-Hofmann-Lone-Actors-Final.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Kagan, F.W., Kagan, K., Cafarella, J., Gambhir, H. & Zimmerman, K. (2016). *Al Qaeda and ISIS: Existential Threats to the U.S. and Europe*. Institute for the Study of War. January. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/PLANEX%20Report%201%20--%20FINALFINALFINAL.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Kaplan, J., Loow, H. & Malkki, L. (Eds.). (2015). *Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism*. London: Routledge.
- Novikova, O.N. (2017a). “Lone Wolves” Terrorism. *Actual Problems of Europe*, 4, 188—207. (In Russian).
- Novikova, O.N. (2017b). One Person Army. *European Security: Developments, Evaluation, Prognosis*, 45 (61), 12—15. (In Russian).
- Schori Liang, Ch. (2017). Leaderless Jihad in a Leaderless World: The Future of Terror. In: *Global Terrorism Index 2017. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November, 88—91. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 30.01.2019).
- Simon, J.D. (2013). *Lone Wolf Terrorism: Understanding the Growing Threat*. NY: Prometheus Books.
- Solovyev, E.G. (2006). *Transformation of Terrorist Organizations in the Globalization Context*. Moscow: LENAND publ. (In Russian).
- Spaaij, R. & Hamm, M.S. (2015). Key Issues and Research Agendas in Lone-wolf Terrorism. *Studies in Conflict and Terrorism*, 38 (3), 167—178.
- Spaaij, R. (2012). *Understanding Lone Wolf: Global Patterns, Motivations and Prevention*. Dordrecht: Springer Verlag.
- Teich, S. (2013). *Trends and Developments in Lone Wolf Terrorism in the Western World: An Analysis of Terrorist Attacks and Attempted Attacks by Islamic Extremists*. International Institute for Counter-Terrorism. October. URL: <https://www.ict.org.il/Article/691/Trends%20and%20Developments%20in%20L#gsc.tab=0> (accessed: 20.01.2019).

Сведения об авторе: Яшлавский Андрей Эдуардович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора теории политики, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: dossier@mail.ru).

About the author: Yashlavskii Andrei Eduardovich — PhD in Politics, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (e-mail: dossier@mail.ru).